

УДК 81'27
ББК 82.1-5+83.3

И.С. Коростов

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК ЛИНГВО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Рассматриваются разные подходы к анализу внутренней речи, обосновывается необходимость исследования внутренней речи как феномена лингвокультурологии. Внутренняя речь представлена как средство психологического анализа в художественной литературе, как репрезентация процесса интерпретации мира, концептуализированного в языковом сознании говорящих на разных языках.

Ключевые слова: *внутренняя речь, культурно-исторический опыт нации, интроспективная коммуникация, современная русская и английская проза.*

Коростов Илья Сергеевич – аспирант кафедры русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 2-57-80-46; 8-918-578-44-75
E-mail: ilyasergeevich@yahoo.com

В XX в. в сфере языка и текстообразования произошли значительные изменения: появился новый метод изображения жизни, новый взгляд на текст в целом. Изменения в мировоззрении человека отразились и на способах изображения жизни. Одним из наиболее ярких феноменов современности стала художественная литература неклассической парадигмы, в которой непосредственно воспроизводится сознание персонажа, его внутренняя речь.

Внутренняя речь стала одним из важных средств психологического анализа в художественной литературе. Цель внутренней речи – изобразить мысли и чувства персонажа, объективируя субъективную сторону жизни человека. Этим объясняется тот глубокий интерес, который проявляют к ней представители разных научных сфер.

Проблемами внутренней речи в течение многих лет активно и плодотворно занимаются психологи (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Р. Лурия, Б.Г. Ананьев, Н.И. Жинкин, А.Н. Соколов, Б.Ф. Баев, Т.Н. Ушакова и др.), психолингвисты (А.А. Леонтьев, С.Д. Кацнельсон, И.А. Зимняя, Г.М. Кучинский, Б.Ю. Норман, Е.С. Кубрякова, А.А. Залевская и др.), литературоведы (М.М. Бахтин, И.В. Страхов, В.В. Кожин, В.Л. Ковалев, Л.Я. Гинзбург, О.Н. Осмоловский, Л.П. Гроссман, А.И. Чичерин, С.Г. Бочаров, Е.Г. Эткинд и др.).

Реальное существование этапа внутренней речи, который предшествует речевым актам, не вызывает сомнений у современных исследователей данного феномена.

По мнению А.Н. Соколова, в психологии термин *внутренняя речь* обычно обозначает беззвучную, мысленную речь, которая возникает в тот момент, когда мы думаем о чем-либо, решаем в уме какие-либо задачи, мысленно составляем планы, припоминаем прочитанное, молча читаем и пишем. Во всех случаях мы думаем и вспоминаем при помощи слов, которые произносим про себя. «Внутренняя речь, – замечает известный психолингвист, – это и есть речь про себя, или скрытая вербализация, с помощью которой происходит логическая переработка чувственных данных; их осознание и понимание в определенной системе понятий и суждений.» [Соколов, с. 12].

Важнейшее значение в исследовании проблемы внутренней речи имеют работы Л.С. Выготского и Л.П. Блонского. В работе «Мышление и речь» Л.С. Выготский отчетливо показал научное значение исследования внутренней речи, сделал первую попытку теоретически разобраться в специфических особенностях внутренней речи «про себя» и «для себя» и наметил ряд предположений относительно генезиса внутренней речи, её синтаксиса и семантики. С синтаксической стороны внутренняя речь характеризовалась Л.С. Выготским как крайне отрывочная, фрагментарная и сокращённая по сравнению с внешней речью. Для внутренней речи характерно упрощение синтаксиса, минимум синтаксической расчленённости, высказывание мысли в сгущённом виде, значительно меньшее количество слов, что, как полагал Л.С. Выготский, достигается за счёт резкого усиления в ней предикативности – опускания подлежащего и относящихся к нему частей. [Выготский].

Первые критические замечания по поводу развитой Л.С. Выготским концепции внутренней речи сделаны Л.П. Блонским в работе «Память и мышление». Он считал, что внутренняя речь возникает одновременно с громкой речью из одного и того же источника – взаимного общения людей, которое предполагает не только произнесение слов, но и их одновременное слушание [Блонский]

В конце XX – начале XXI в. появляется ряд диссертационных исследований, выполненных на материале английского, немецкого и французского языков, в которых делаются попытки теоретического осмысления внутренней речи, определения ее лингвистического статуса, установления места ее среди смежных явлений, описания отдельных ее форм, выявления особенностей функционирования ее в художественном тексте (Андриевская, 1969; Завадовская, 1971; Сакварелидзе, 1975; Ярмоленко, 1982; Зименкова, 1989; Сахнович, 1990; Лустрэ, 1996; Артющков, 2004; Сергеева, 2009).

Существующее многообразие аспектов изучения внутренней речи не исключает возможности новых взглядов на эту проблему. Создавая художественный текст, автор передает свое видение мира сквозь призму национального языка, выступая как носитель культурно-исторического опыта нации. Это определяет значимость лингвокультурологического подхода к исследованию феномена внутренней речи в художественном тексте, которое, на наш взгляд, должно быть направлено на изучение

репрезентированных в художественных текстах средств актуализации интраперсонального общения как элементов языковой картины мира, отражающих специфику национальной культуры. Свойственный конкретному языку способ концептуализации действительности одновременно и универсален, и национально специфичен. Отраженные в языке наивные представления о мире не менее сложны и интересны, чем научные. К ним можно отнести и представления о внутреннем мире человека, которые отражают культурно-исторический опыт интроспекции многих поколений на протяжении тысячелетий, служат надежным проводником в этот мир.

По мнению Ю.М. Сергеевой, «взаимодействие различных ипостасей личности в пределах ее сознания составляет суть интраперсонального общения, в процессе которого один из партнеров общения (адресат) не существует непосредственно в данной ситуации, а объективируется в сознании другого индивидуума (адресанта)» [Сергеева, с.10]. Довольно часто мнимый собеседник во внутренней речи является композиционным центром художественного текста, как в романе современного английского автора Дианы Сеттерфилд «Тринадцатая сказка». По мнению Ю.С. Степанова, «расслоение “я” – характерная черта поэтики европейского романа: это “я” персонажа, “я” рассказчика о персонаже, причем рассказчик в свою очередь персонаж, “я” повествователя о рассказчике, а тем самым и обо всех остальных.» [Степанов, с. 264].

Внутренний диалог может отражать расслоение «я» персонажа, например: *«The pen slipped from my hand and I closed my eyes. 'So, I heard her say, or perhaps it was me, 'it's just the two of us now.' I argued with her for a bit. 'It will never work,' I told her. 'It was too long ago, I was only a child, I've forgotten.' Though I was only going through the motions. 'But I haven't forgotten,' she says.»*

«Ручка выскользнула из пальцев, и **я закрыла глаза**. **Итак, – сказала она, или, может, это была я, – теперь только мы с тобой остались».**

Я попробовала с ней поспорить. *“Так не пойдет”, – сказала я ей. “Слишком много времени прошло, я была всего лишь ребенком, я уже все забыла”.* Конечно, я уже привыкла так говорить.

“Но я не забыла”, – ответила она.»

Существование взаимодействия различных ипостасей личности в пределах ее сознания вызывает интерес исследователей антропоцентрической парадигмы научного знания. Общение человека с человеком неизбежно сопровождается общением индивидуума с самим собой. Текст, создаваемый человеком, отражает движение мысли, строит возможные миры, в том числе и внутренний мир, в котором запечатлевается динамика человеческой мысли.

В настоящее время исследования внутренней речи не оставляют сомнений в её непосредственной связи и генетической зависимости от внешней – устной и письменной. Внутренняя речь возникает из внешней, является её психологической трансформацией, в которой

наибольшее значение имеют ситуативность внутренней речи, обобщённость и вытекающая из них словесная фрагментарность. Отчасти эти характеристики внутренней речи находят свое выражение в художественном тексте.

Внутренняя речь является одним из важнейших средств изображения человека в современной литературе, которое позволяет достоверно и глубоко показать внутренний мир действующих лиц. В процессе становления психологической прозы внутренняя речь отделилась от авторской и диалогической, приобрела языковое своеобразие. Известный исследователь внутренней речи в художественном тексте В.Н. Зименкова отмечает, что «фотографически точное (прямое) воспроизведение внутренней речи как особого вида речевой деятельности средствами естественного языка вряд ли возможно. Внутренняя речь – это не просто механизм мышления: в ней задействованы все стороны человеческой психики – интеллект, воля, эмоции, не только “светлые” зоны познания, но и подсознательное психическое.» [Зименкова, с. 5].

Изображение художественной речи в художественном тексте достаточно условно. Эта условность может иметь открытый, явный характер или быть скрытой, завуалированной. В первом случае художественная репродукция внутренней речи возможна и без использования специальной языковой техники, при этом внутренняя речь персонажей не отличается по своему строю от их внешней речи. Во втором – во внутренней речи персонажей включаются специальные сигналы, сообщающие читателю, что действующие лица думают «как в жизни».

Условность изображения внутренней речи в художественном тексте проявляется и в том, что её репродукция осуществляется с помощью известных способов передачи чужой речи, т.е. прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. В основе внешней и внутренней речи персонажей лежат стандартные модели одних и тех же контекстовых приёмов.

Художественные формы внутренней речи отличаются от параллельных форм внешней речи на уровне стандартных моделей в первую очередь своими внешними признаками: в качестве сигнала появления внутренней речи в предложении выступают лексические единицы (глаголы, имена существительные, адвербиальные сочетания) с семантикой ментальной или эмоциональной деятельности, которые, во-первых, переключают повествование на субъективный план персонажа или подключают этот план к повествованию, во-вторых, осуществляют переход к интроспективному показу действующего лица. Однако в качестве ввода может быть использован и ближайший контекст, что характерно для текстов, когда статусы (возрастной, социальный, гендерный и т.п.) рассказчика/повествователя и субъекта внутренней речи не совпадают, например:

«Emmeline, bewildered, padded along behind. *She was hungry. Why all this fuss with doors and windows? How long before she could fill her tummy with food?*»

«Эммелина топала за мной в полнейшем замешательстве. **Она была голодна. К чему вся эта суета с дверьми и окнами? Когда уже ей дадут наполнить животик едой?»** (Д. Сеттерфилд. «Тринадцатая сказка»).

Таковы основные особенности внутренней речи как особого способа передачи чужих решений и как важного приёма изображения внутреннего мира героя в художественном тексте в период становления современной психологической прозы. Именно эти характеристики внутренней речи привлекают внимание исследователей: описание внутренней речи как особой формы языкового общения индивидуума, с одной стороны, и как специфического художественного приема, используемого автором литературного произведения, – с другой. Однако очевидным следует признать тот факт, что изображение внутренней речи в художественной литературе является также и зеркальным отражением национальной специфики менталитета говорящего/мыслящего субъекта, поскольку во внутреннем монологе, диалоге или даже простом реплицировании вербализуется и концептуальная, и аксиологическая картина мира.

Поскольку языковое исследование внутренней речи осуществляется с уже вербализованной структурой и представленной в виде художественного текста, то необходимо определить его специфику. Прежде всего имеется в виду некоторая условность изображения внутренней речи в художественном тексте, который сам есть личностная интерпретация событий, в том числе и события внутреннего «говорения». Сам характер «речи про себя, для себя», изображение сознания героя наталкивает автора на соединение форм прямой и несобственно-прямой речи, прямой и косвенной, полупрямой и несобственно-прямой и т.п., что характерно как для русских, так и для английских художественных текстов. Благодаря этому приёму, на наш взгляд, достигается наибольшая достоверность и точность изображения внутреннего мира героя, хотя фотографически точная передача речи внутренней практически невозможна.

Внутреннюю речь персонажей, на наш взгляд, следует рассматривать как факт художественного познания закономерностей порождения и построения психологической натуры, а значит и как часть языковой картины мира, представленной в художественном произведении. В семантическом плане внутренняя речь в русских и английских текстах может быть представлена как речь-размышление, воспоминание, эмоциональная рефлексия на событие, причем в большинстве исследованных современных текстов преобладает негативная или ироническая оценка ситуации прошлого. Внутренняя речь в английских текстах более сдержанна в плане выражения эмоций, о чем свидетельствуют глагольные или именные вводы преимущественно со значением интеллектуальной деятельности, например: «*This was curious enough in itself, but curiouser still was my next thought...; For I understood quite clearly in that moment.; I hesitated, wondering...*» (мысль; довольно ясно поняла; сомневалась, раздумывая).

С позиций лингвокультурологии современные русские и английские художественные тексты представляют несомненный интерес: ис-

следование национально-культурной специфики внутренней речи как синтаксического целого определяет возможность эффективной межкультурной коммуникации и способствует созданию эквивалентных литературных переводов.

Литература

- Блонский П.П.* Память и мышление. М., 2001
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2005.
- Зименкова В.А.* Способы выражения внутренней речи персонажей в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Сергеева Ю.М.* Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
- Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка : Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / АН СССР. Ин-т языкознания; отв. ред. В.П. Нерознак. М., 1985.